

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ДЖ.Л. ГЭДДИСА НА ПРИЧИНЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Рассматривается эволюция взглядов Дж.Л. Гэддиса – одного из ведущих на Западе историков холодной войны. Поэтапно раскрываются представления историка о причинах возникновения биполярности, а также анализируются методологические основы его современных работ.

Ключевые слова: холодная война; биполярность; Дж.Л. Гэддис.

Джон Льюис Гэддис, профессор Йельского университета, является одним из ведущих историков холодной войны на Западе, автором 9 монографий по истории данного феномена, а также большого количества статей.

Первые работы по истории холодной войны Гэддис издал в начале 1970-х гг. За весь этот период, вплоть до настоящего времени, историк ни один раз подвергался критике как со стороны западных ученых, например Леффлера и Лундестада, так и со стороны отечественных исследователей – А.М. Филитова, Д.Г. Наджафова, В.О. Рукавишников и др.

В отечественной историографии его работы рассматривают как относящиеся к течению постревизионизма, т.е. течению, изучающему конфликт на основе многофакторности [1]. Н.И. Егорова указывает на выявленные Леффлером и Лундестадом тенденции к неортодоксальному взгляду у Гэддиса на возникновение холодной войны в работах 1990-х гг., что означает возврат к теме ответственности одного только СССР за раскол мира на два полюса [2. С. 3].

Такой односторонний взгляд на виновность СССР в генезисе послевоенной конфронтации, как правило, критикуют отечественные и западные исследователи холодной войны. Однако если посмотреть на творчество Гэддиса в целом и проследить эволюцию его исторических и философских взглядов, то внимание привлекают совершенно другие аспекты его подхода.

В первую очередь, это взгляды на причины возникновения биполярной международной ситуации после Второй мировой войны. За все время работы ученого они претерпели существенные перемены, тем самым отражая изменения в понимании сути холодной войны в американской историографии, и в некоторой мере восприятие международной ситуации в американской интеллектуальной и политической элите.

Различные классификации (постревизионист, неортодокс) могут касаться самого Гэддиса. Однако изучая его работы, необходимо учесть и то широкое влияние, которое он оказал на историографию биполярности, подтолкнув к дискуссии ряд крупных ученых во всем мире. Вот почему сегодня важно отбросить эти своеобразные клише и заострить внимание на эволюции представлений Гэддиса о движущих силах холодной войны, ее сути и причинах.

Проследив эволюцию его взглядов, мы сможем установить одно из основных направлений движения научной мысли Запада в области осмысления такого важнейшего феномена XX в., как холодная война.

Все творчество Гэддиса можно разделить на три этапа, если взять за основу периодизации определение ученым причин холодной войны.

Начало *первого этапа* можно датировать первой половиной 1970-х гг. с выходом одной из первых крупных монографий ученого [3]. На этом этапе действительно работы Гэддиса можно отнести к зарождавшемуся в те годы постревизионизму, характерной особенностью которого являлся взгляд на происхождение холодной войны как на сложный процесс, обусловленный политическими, идеологическими, экономическими и личностными факторами, связанными воедино. Для Гэддиса и многих постревизионистов на тот момент характерна также постановка вопроса об ответственности СССР за переход к конфронтации. Поворотный момент во взглядах Гэддиса происходит в связи с распадом СССР и окончанием холодной войны.

Начинается *второй этап* творчества ученого, когда на смену определенной системе факторов как причин холодной войны приходит взгляд на холодную войну как на конфликт цивилизаций.

В 1997 г. на пике дискуссии о холодной войне, породившей новое течение в изучении данной проблематики, называемое «Новой историей холодной войны», историк раскрывает свою точку зрения в одной из самых известных его монографий [4], которая является попыткой переосмысления истории данного противостояния с учетом произошедших исторических событий и новых источников.

В целом на Западе в этот момент происходит переход в историографии от вопросов виновности СССР или США в пользу анализа причин и движущих сил конфронтации. Гэддис определяет в качестве таких движущих сил сходства и различия в природе и интересах двух стран – СССР и США. При этом Гэддис продолжает говорить также о Сталине и сталинской системе как существенном факторе в возникновении биполярности. Именно этот тезис и привлекает большее внимание критиков, чем те же «цивилизационные» аспекты происхождения холодной войны. Однако окончательное формулирование и систематизация взглядов Гэддиса на возникновение и развитие холодной войны происходят уже в начале XXI в.

Третий этап творчества ученого связан с выходом монографии общеполитической тематики [5], где сама история, по мнению автора, предстает в виде движения от хаоса к порядку путем реализации или нереализации тех или иных исторических возможностей [6. С. 78, 122]. Изучение Гэддисом холодной войны сегодня находится в тесной связи с представлением ученого о движущих силах истории, т.е. его методологическим подходом. Проследить движение его взглядов от постревизионизма и вопросов виновности той или иной страны в развязывании холодной войны к «Новой истории холодной войны» и формулированию общеисторического методологии в ходе трех вышеуказанных

этапов – это та историографическая задача, которая ставится в данной статье.

Если говорить более подробно о взглядах Гэддиса на причины холодной войны, сформировавшихся до распада Советского Союза, то, как видно из исследования А.М. Филитова [1], уже тогда ведущий на Западе историк холодной войны придерживался концепции многофакторности в возникновении bipolarности. Так, отечественный исследователь указывает на то, что Гэддис явно придерживается «идеологической модели» в интерпретации генезиса холодной войны, которая заключается в том, что «причины “холодной войны” кроются в издержках взаимного восприятия». А.М. Филитов закономерно критикует посылку Гэддиса, а вслед за ним Дж. Кеннана и Т. Патерсона о том, что якобы накануне холодной войны в американской политике не было иных целей, кроме оборонительных, а было только «чувство страха» [1. С. 75].

Д.Г. Наджафов отмечает, что Гэддис в работе 1987 г. однозначно оценивает намерения СССР в конце Второй мировой войны как нежелание сотрудничества с Западом и стремление к максимальному расширению влияния, даже если придется «пойти на риск войны, чтобы добиться этого» (цит. по: [7. С. 77]). Нежелание сотрудничества и издержки восприятия усугублялись, по мнению Гэддиса, Сталиным и сталинской системой [1. С. 102].

Таким образом, в отечественной историографии утвердилось мнение, что субъективные исторические факторы играют на тот момент ведущую роль во взглядах Гэддиса. Если же речь идет об объективных факторах генезиса холодной войны, выявленных российской историографией в работах историка, то Гэддис уделил внимание роли общественного мнения в ее развязывании. Как указывает А.М. Филитов, Гэддис применял «модернистский» подход, говоря о том, что, например, общественность США играла активную роль и подталкивала правительство на курс конфронтации [1. С. 140].

Обращаясь к историографическому источнику сегодня, необходимо отметить, что основой всех вышеупомянутых причин, по мнению Гэддиса, является смена мировоззрения американской политической элиты и общества одновременно. В 1972 г. историк пришел к выводу, что хотя переход к политике холодной войны и был совершен Трумэнской администрацией под влиянием как внешних, так и внутренних влияний, указанных выше, однако важнейшей предпосылкой являлось изменение основ внешней политики США еще до прихода Трумэна к власти: «Вторая мировая война спровоцировала революцию в американской внешней политике. До этого конфликта большинство американцев верило, что они надежно защищены... События 1939–1940-х показали лидерам Рузвельтовской администрации, что они ошибались» [3. С. 353].

Таким образом, очевидно, что Гэддис в первую очередь рассматривал процесс перехода к холодной войне глазами американских политмэйкеров, т.е. изнутри. Потому Гэддис в первый период своей работы уделял такое существенное внимание восприятию советской угрозы американским обществом и политической элитой. На данном этапе мы видим четко выраженный многофакторный подход, со справедливо отмеченным в отечественной историографии креном к вопросам о

виновности СССР в начале конфронтации и, соответственно, невинности США.

Возможно, что в 1997 г. термин «переосмысление» процесса возникновения bipolarности и означал для Гэддиса попытку взглянуть на истоки холодной войны не изнутри, а извне на основании появившихся новых источников. В начале 1990-х гг. в работах автора происходит постепенная смена подхода к самой сути холодной войны, что позволяет говорить о начале второго этапа творчества историка. В ведущей монографии второго периода творчества, изданной в 1997 г., Гэддис двояко определяет причины и движущие силы холодной войны.

С одной стороны, это, как и раньше, признание большой роли субъективных факторов. Н.И. Егорова указывает, что Гэддис в монографии в основном говорит о роли «Сталина, советской системы и идеологии» в генезисе конфликта [2. С. 5]. Другой отечественный исследователь – В.О. Рукавишников также обращает внимание на то что, Гэддис подчеркивает определяющую роль личности Сталина в развитии конфронтации между Востоком и Западом [8. С. 174].

С другой стороны, менее раскрытой в отечественной историографии, представления о взглядах Гэддиса тех лет на движущие силы холодной войны выглядят следующим образом: основы противоречий холодной войны автор находит непосредственно в генезисе каждой из стран, указывая на принципиально различную основу менталитета русских и американцев и противопоставляя русскую и американскую государственность в ключе Восток – Запад.

Историк утверждает, что новое советское правительство имело источником легитимности своей власти не божественное провидение и не демократические выборы, а научную основу. Большевики полагали, что могут инжинирить историю. Целью нового советского правительства было еще и другое – мировая революция. Потому Гэддис указывает на существенный, с точки зрения западных мыслителей и историков, факт: «...то, что обещал Ленин, было вмешательством не только в политику других государств, но и в их общественное устройство» [4. С. 4].

Гэддис указывает на параллелизм в истории России и США, которые, по сути, предложили миру в начале XX в. две новые идеологии, два суперэксперимента по созданию справедливого и свободного общества. Со стороны США это было системное декларирование вооруженного нейтралитета, идеология открытых рынков и коллективной безопасности. «Это была, конечно, не “ленинская революция”, но при всем при том это была альтернативная мировая политика по устранению несправедливости и угрозы войны... По большому счету, история двадцатого века произросла из столкновения этих двух идеологий – вилсоновской и ленинской...» [4. С. 4].

Гэддис говорит, что обе идеологические системы имели высокий экспансионистский потенциал. Так, Вудро Вильсон начал великий эксперимент по созданию надгосударственных структур мирового масштаба – Лига Наций, в то время как Ленин призывает пролетариев всех стран соединиться и опрокинуть угнетателей [4. С. 4]. Автор приходит к мнению, что «события 1917–1918 гг. стали символической базой для кон-

фликта между коммунизмом и капитализмом», как между двумя странами, выбравшими противоположные пути общественного развития [4. С. 6].

Переходя непосредственно к моменту формирования биполярности, Гэддис изначально отмечает, что Вторая мировая война создала вакуум силы в Европе, так же как Первая мировая создала вакуум легитимности [4. С. 4]. После победы во Второй мировой войне много «деструктивных факторов стало разделять Россию и Америку. Противоречия между демократической и авторитарной политической традицией, коммунизмом и капитализмом, советской памятью об интервенции после Первой мировой войны и американской памятью об оппортунистическом пакте Сталина и Гитлера, – сложно было бы ожидать, что несколько лет союзничества могли ликвидировать столь долгосрочные противоречия» [4. С. 9].

Однако данных противоречий, согласно Гэддису, было недостаточно, если бы не мышление политических элит. Упустив возможность избавиться от тяжелого наследия прошлого, американская политическая элита видела только свои «витальные потребности» и не могла упустить шанса создать экономическую систему, бенефицировавшую американский капитализм, а также систему мировой безопасности, где Америка играла бы главную роль [4. С. 9].

Итак, по сравнению с первым этапом творчества историка, в вопросе о виновности в происхождении холодной войны мы видим однозначный сдвиг в сторону признания определенной доли ответственности США.

Гэддис также начинает, несколько в иной взаимосвязи, рассматривать объективные и субъективные факторы в генезисе биполярности. Он рассматривает социальное поведение политических лидеров как самореализацию в конкретных исторических условиях [4. С. 20].

Конкретные исторические условия для американской элиты, по мнению автора, состояли в том, что Сталин проводил экспансионистскую политику. И эта политика требовала реакции. При этом длинную телеграмму Кеннана Гэддис рассматривает как информацию, поступившую в систему и сподвигнувшую американскую элиту на жесткую ответную реакцию и переход к конфронтации.

Утвердившееся в отечественной историографии мнение о том, что в монографии 1997 г. Гэддис продолжает настаивать на исключительной виновности Сталина, можно подвергнуть сомнению. Ведь историк указывает, что закономерность истории состоит в том, «что мы не можем утверждать, что поведение конкретной личности, которая следует своей природе не сдерживаясь и потакая себе во всем», могло быть причиной конфликта.

Говоря о природе конфликта, необходимо учесть потребности и чаяния всех других членов общества [4. С. 21]. Пожалуй, достаточно негативную окраску образ Сталина в работе 1997 г. все же получил, потому как Гэддис часто проводит аналогии между Сталиным и Гитлером. Это, конечно, не может вызывать одобрения у отечественных исследователей, и у автора данной статьи в том числе, но не является аргументом, свидетельствующим об однозначной неортодоксальности

взглядов Гэддиса. Ортодоксальные историки всю вину за развязывание холодной войны перекладывали на Сталина [9, 10].

Таким образом, мы видим эволюцию взглядов автора, которая заключается в переходе от взгляда изнутри американской политики к рассмотрению эволюции идеологических моделей как информационных систем, существование которых предопределено конкретными историческими условиями, а функционирование обусловлено их объективным устройством и субъективным поведением лидеров. К объяснению настроений американской элиты и роли Сталина в развязывании холодной войны привлекается сравнительный анализ развития двух цивилизаций и их идеологий.

Завершение формирования подхода Гэддиса к генезису холодной войны происходит уже на третьем этапе его творчества, начало которого можно связать с выходом его философско-методологического труда 2002 г. На основании исторического материала холодной войны и методологических изысканий таких историков, как Марк Блок, Гэддис сформулировал собственное видение движущих сил истории и холодной войны как ее части.

Гэддис продолжает использовать сравнительный метод, как и при изучении истории. Он указывает на «параллелизм процессов роста» и их повторяемость на микро- и макроуровне [5. С. 5]. Ученый говорит о недопустимости упрощения прошлого для прогнозирования будущего и утверждает, что наш мир линейный на микроуровне и циклический на макроуровне. Это приводит исследователя к мысли, что одна и та же система может быть «простой на одном уровне и комплексной на другом» [5. С. 75–76].

Гэддис отмечает взаимозависимость всех элементов нашей Вселенной и постоянный процесс превращения хаоса в порядок путем формирования и развития структур, через которые проходит информация. Воплощенная в реальности организация материи в том или ином виде представляет собой так называемое окно возможности. При этом возможность может и не реализоваться, и вот здесь-то объективная реальность уже зависит от поведения конкретных субъективных людей, элиты, лидеров [5. С. 78, 121]. Вышеперечисленное составляет основные философские воззрения Гэддиса, которые очень близки Школе Анналов.

Можно сказать, что мировоззрение Гэддиса представляет собой синтез позитивизма и глобального эволюционизма, т.е. движущие силы истории выступают в качестве естественного природного закона и одновременно являются той энергией, которая питает развивающиеся структуры, упорядочивая хаос.

Вероятно, выводы, к которым пришел автор еще в 1997 г. на основе сравнительного анализа СССР и США, были систематизированы и распространены уже на всю историю. Применение же идеи самоорганизации и видоизменение цивилизационного подхода, т.е. привнесение в него идеи об «окнах возможностей», что, по-видимому, является развитием идеи вызов-ответ Тойнби, делают методологию Гэддиса вполне работоспособной.

Третий этап творчества историка характеризуется глубоким применением к изучению холодной войны

оформившейся за три десятка лет методологии. В работе 2005 г. ученый продолжает развивать идеи о цикличности истории, параллелизме развития СССР и США: «Как Соединенные Штаты, так и Советский Союз были рождены в революции. Обе страны были объяты идеологиями с глобальными чаяниями: то, что работало дома, как предполагали лидеры, может быть распространено на весь мир» [6. С. 7].

Гэддис говорит и о континентальном господстве каждой из стран в своем регионе, и одинаково неожиданно для СССР и США вступлении во Вторую мировую войну в результате внезапного нападения (германское вторжение в Советский Союз 22 июня 1941 г. и Перл Харбор 7 декабря 1941 г.) [6. С. 7]. Очевидно, что цивилизационный подход в данном случае опять дополнен методом сравнительного анализа, в ходе которого найдены аналогии в развитии каждой из стран. Однако Гэддис указывает, что различия были еще сильнее.

В то время как, по мнению историка, революция в США носила освободительный характер и привела к становлению одного из самых свободных обществ на планете, которое постепенно преодолевало расовую и половую дискриминацию, революция в России носила классовый характер и была попыткой ускорения истории, что привело к тому, что Сталин создал «государство, в котором свободы нет вообще» [6. С. 7–8].

Таким образом, понимание свободы, лежащее в основе социального конструирования, это первое, о чем начинает говорить Гэддис в данной монографии, и в целом данный взгляд является развитием подхода 1997 г., в котором ученый большое внимание уделяет идеологии как информационной системе, а ведь центральным понятием любой идеологии является свобода.

Итак, взгляд изнутри и неизбежное при этом принятие идеологических установок американской политической элиты в работах ученого постепенно сменяются рассмотрением основ ментальности противоборствующих обществ на базе смешанной цивилизационно-синергетической методологии.

Если касаться непосредственно процесса перехода к холодной войне после окончания Второй мировой, то Гэддис выстраивает на вышеуказанной базе картину из взаимосвязанных факторов, важнейшим из которых является асимметричность в итогах Второй мировой войны для СССР и США [6. С. 9]. Гэддис приводит те же факты о потерях СССР, что и в монографии 1997 г., а также обращает внимание на то, что в США и Великобритании после войны лидеры сменились, а в СССР продолжал править Сталин. Последнее указывает на асимметричность внутривнутриполитической ситуации в каждой из стран.

Наконец, тот факт, что Красная армия разгромила фашизм, а СССР стал нацией победителей, давал серьезную фору «авторитарному коммунизму как дороге будущего...», хотя на эту роль ранее претендовал «демократический капитализм» [6. С. 10].

Далее Гэддис рассматривает уже субъективные факторы и мотивы людей, принимавших решения в тот период. Обращаясь к анализу личности генералиссимуса, он говорит: «Послевоенные цели Сталина заключа-

лись в том, чтобы обеспечить безопасность себе, своему режиму, своей стране и своей идеологии как основе порядка» [6. С. 11]. Единственным способом сделать это – достигнуть доминирования на континенте, а не восстанавливать баланс сил [6. С. 14].

Таким образом, мы видим, что принципиального пересмотра роли Сталина как инициатора холодной войны не происходит. Гэддис просто выражает теперь более сдержанное отношение к Сталину, чем в 1997 г., когда он проводил параллель между личностями и судьбами Сталина и Гитлера.

Говоря теперь уже об американских замыслах, Гэддис в целом подтверждает выводы из работы 1972 г. о том, что «Вторая мировая показала несостоятельность модели существования Соединенных Штатов отдельно от мира и мира отдельно от США» [6. С. 15]. «Чего хотели американцы после войны?» – спрашивает историк и отвечает – «тоже безопасности» [6. С. 15]. Однако действия США в отличие от Сталина были существенно иными и направлены на восстановление баланса сил в Европе [6. С. 15–17].

Таким образом, Гэддис постепенно систематизировал свое видение холодной войны, перейдя от вопросов виновности СССР в развязывании конфронтации к сравнительно-историческому анализу двух стран, и затем уже упорядочив свои философско-исторические взгляды и методологию, перешел к изучению биполярности с позиций того или иного понимания свободы и безопасности.

Отвечая на вопрос о внутренних пружинах противоборства, автор говорит, что холодная война была не просто геополитическим противостоянием атомных супердержав, а соревнованием в ответе на вопрос: «Как лучше организовать человеческое общество?» [6. С. 84].

В работе 2005 г. мы видим более сбалансированную картину в отношении степени вины за развязывание холодной войны, чем в монографии 1997 г.

Однако полного отказа от преимущественной вины СССР и Сталина даже на основе анализа идеологий как информационных систем [4] и сравнительного анализа цивилизаций [6] не происходит. При этом важно то, что на сегодня западная историография холодной войны в лице Гэддиса и ряда других ученых [11, 12] подошла к проблеме методологического оформления своих исследований.

Налицо движение в ходе всех этапов работы Гэддиса к обобщению взглядов и созданию мыслительной системы, позволяющей сделать актуальные на сегодня и полезные на практике выводы. Хотя нередко Гэддис подвергается на Западе серьезной критике за свой «нео-позитивистский» подход, а именно за то, что во многом он упускает из виду роль общества и общественных отношений в генезисе конфликта [13. С. 114].

Тем не менее система знаний, хотя и основанная во многом на идеализме, имеет большую самооценку. Она позволяет нам взглянуть на холодную войну по-новому, например с точки зрения борьбы различных видов понимания свободы – коммунистического и капиталистического – за право определять ход исторического развития человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Филитов А.М.* Холодная Война: историографические дискуссии на Западе. М., 1991.
2. *Егорова Н.И.* Введение // Холодная Война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива / Под. ред. Н.И. Егоровой, А.О. Чубарьяна. М., 2003.
3. *Gaddis J.L.* The United States and the origins of the cold war, 1941–1947. N.Y., 1972.
4. *Gaddis J.L.* We now Know: Rethinking the cold war. Oxford, 1997.
5. *Gaddis J.L.* The Landscape of history How Historians Map the Pas. Oxford, 2002.
6. *Gaddis J.L.* The Cold War. A New History. N.Y., 2005.
7. *Наджафов Д.Г.* К вопросу о генезисе холодной войны // Холодная Война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива / Под. ред. Н.И. Егоровой, А.О. Чубарьяна. М., 2003.
8. *Рукавишников В.О.* Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М., 2005.
9. *Schlesinger Arthur Jr.* Origins of the Cold War // Foreign Affairs. 46. October, 1967.
10. *Feis H.* Churchill-Roosevelt-Stalin: The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, 1957.
11. *Saull R.* Rethinking theory and history in the cold war: The State Military Power and Social Revolution. London, 2001.
12. *Westad Odd Arne.* Introduction: Reviewing the Cold War // Reviewing the Cold War: approaches, interpretations, and theory / Ed. by Odd Arne Westad. London, 2000.
13. *Lebow N.* Social Science, History and the Cold War: Pushing the Conception Envelope // Reviewing the Cold War: approaches, interpretations, and theory / Ed. by Odd Arne Westad. London, 2000.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 декабря 2010 г.